

Черкесов Валерий Николаевич родился 3 марта 1947 года в городе Благовещенске Амурской области.

С 1982 года живёт в Белгороде.

Собственный корреспондент «Литературной газеты» по Центральному федеральному округу.

Автор более двадцати книг поэзии, прозы, публицистики, произведений для детей, изданных в Москве, Белгороде, Благовещенске, Воронеже, Хабаровске.

Стихи и проза печатались во многих столичных и региональных антологиях, альманахах, сборниках, журналах, в том числе в Санкт-петербургских:

«Невский альманах», «Нева», «Аврора», «Родная Ладога».

В Союз писателей СССР (России) был принят 30 марта 1991 года.

Лауреат Всероссийской литературно-театральной премии «Хрустальная роза Виктора Розова» и Международной литературной премии «Прохоровское поле», дипломант IV Международного славянского литературного форума «Золотой витязь». Награждён медалями «Патриот России», «За вклад в отечественную культуру», «За заслуги перед землёй Белгородской» II и I степени.

В год Памяти и славы вышел новый сборник Валерия Черкесова «Живые обелиски». Стихотворения написаны в разные годы и посвящены Памяти – от былинных времён до наших дней.

Поколениям говорит
Ручеёк о сраженьи неблизком.
Стал давно он живым обелиском,
Пережив и замшелый гранит.

НАД «СЛОВОМ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

*Съ вами, русици...
Слово о полку Игореве*

Слова, как стрелы, в грудь попали...
Быть может, на реке Каяле
И я порублен в сече был,
Когда ж воскрес, то позабыл.
И вот которое столетье,
Зарница только польхнёт,
Пригнёт траву свинцовый ветер,
Кровь призывает: «Твой черёд
За Русь родимую сразить!...»
И стискивает рукоять
Меча

горячая десница.

Я вижу – русичей полки –
Подмога! – скачут вдоль реки.
И радостны, а не горьки
Святые слезы Ярославны.

ПОЛЕ КУЛИКОВО

Стрелы ещё посвистывают,
А мечи подустали.
Густо закат кровавит
Поле жестокой сечи.
И очами, полными
Страдания и печали,
Богородица смотрит,
Лишившись от боли речи.

* * *

Как же это могло запомниться?..
Пролетает звездастая конница,
знамя по ветру развеивается,
снег уральский густо кровавится.

Я не мог же такое видеть,
не любить и не ненавидеть!
Но нечаянный сон тревожит
и видения страшные множит.

Это генная память волнуется,
перешла с фотографии старой,
где мой прадед в папахе красуется,
перечёркнутой ленточкой алой.

А потом его к стенке поставят –
и свои... Неизвестно за что...
Просыпаюсь и хочется плакать:
где могила не знает никто
до сих пор...

ПАКГАУЗ

Пакгауз меж путей.
И соя через щели
просыпалась.
Таясь, ползём туда.

Потом мы с жадностью
поджаренные зёрна ели!
Вкуснее ничего и не было тогда.

Великая страна от горя отходила
и крепла, и голодным пацанам
пакгауз –
с часовым и соей –
подарила.
...И воровство она простила нам.

* * *

Игрушки детства – банка жестяная,
хранящая дух сладких леденцов,
катушки из-под ниток, голубая,
как небо, лента, стрелки от часов
настенных, пара пуговичек медных
с шинели деда и его медаль,
где выбито навечно: «За Победу...» –
я не сберёг, не сохранил... Так жаль!

* * *

А в распадке – голубица,
и на мари – голубица.
Собираю, забребаю
ягодки ладошками...
Это детство снится, снится...
Тяжелют на ресницах,
щиплют веки нестерпимо
слёзы вновь непрошенные.

Неужели было это?
Щедро раздавало лето
пацанве послевоенной
все свои богатства
поровну – и не монеты,
а закаты и рассветы,
и надежду, что однажды
папы возвратятся.

ПОЛЕ 1945 года

Думали, земля не уродит:
Столько смертоносного металла
За войну в себя она впитала!
Лемех в борозде гремит, звенит.

Думали, но делали своё:
На себе родимую вспахали,
Зёрна, помолвившись, закопали,
Песней разогнали вороньё.

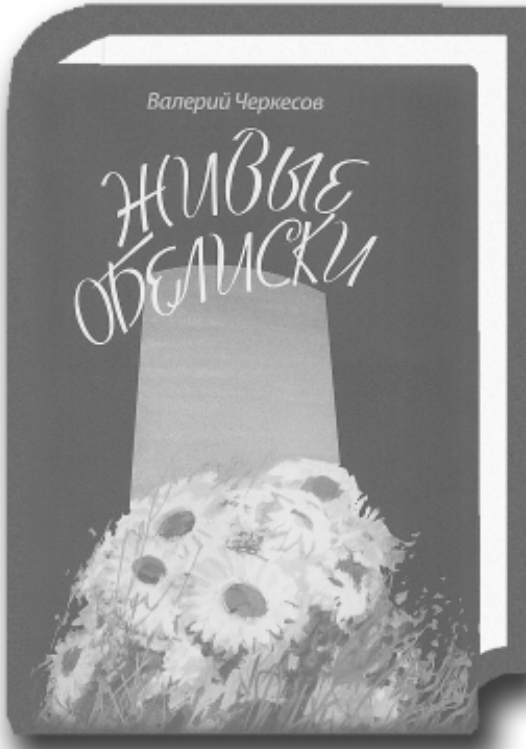
Бабы, старики и ребятя –
Мужики на фронте воевали –
На поле порою ночевали, –
Не хватало для работы дня.

Политое потом и дождём,
Кровью окропленное в сраженьи,
Поле ожило – на удивленье! –
Добрые хлеба взошли на нём.

И когда с Победою пришли
По домам солдаты, подавали
На столы большие караваи –
Дар спасённой матушки-земли.

* * *

Торопливая песня ручья
Начинается в тихом распадке,
Где скалы побуревшие складки
Словно срезаны взмахом меча.
Может здесь, неизвестно когда,
Великаны сошлись в рукопашной,
И из раны, открытой и страшной,
Заструилась, забила вода.

Обложка книги В. Черкесова

МАМАЕВ КУРГАН

*Весной 1943 года
на Мамаевом
кургане даже не росла
трава.*

(Из рассказа экскурсовода)

На Мамаевом кургане
Не росла трава в тот год –
Был смертельно
он изранен.

Думали, что не пройдёт
Эта боль
земли приволжской.
Но сегодня – посмотри! –
Нежноствольные берёзки
У подножья подросли.
Поднимаюсь по кургану,
А земля мне говорит:
– Заросли бывшие раны,
Память до сих пор болит.

9 МАЯ В БАЛТИЙСКЕ

Обозначились чертой
Корабли на горизонте.
Чайка вскрикнула в полёте
Над свинцовой волной.

И Никола Святой
наклонился к нему,
сошёл с иконы,
на колени становится
и взором отеческим
говорит: – Прости!..

А ратник безрукий
душою молится,
и крестик нательный,
как орден, блестит.

БОЛЬ ЗА УКРАИНУ

Молюсь за тех и за других.

М. Волошин

Не только молюсь, но винюсь,
что молча смотрел, как братья
раскрывали объятия
врагам, презирующим Русь;
что не ответил Миколе,
который бедует в Херсоне.
Он спрашивал: – Ну, доколе,
славяне, мы будем в ссоре?

Свечи зажжённые ставлю
и за него, и за тех,
кто, обманувшись майданом,
дьявольский слушает брѣх.

Быть может, прозреют,
опомнятся?..
Да помощи, Богородица!

В МУЗЕЕ

Вошла под каску
и нанкосок
пронзила тёплый
дрогнувший висок.
Легко, как нитку,
жизнь оборвала
Железка,
пущенная из ствола.
Теперь она – музейный экспонат...
Глаза закрою – пули вновь летят!

* * *

Станиславу Минакову

Пожалеть ещё есть кого.
Потому, пожалуй,
о своей доле я не говорю
никогда никому.
А вокруг пожара
пожирают землю мою.
И снаряды тупые
ложатся близко –
им всё равно, чьи жизни отнять.
И словно солдаты,
стоят обелиски,
готовые снова страну отстоять.

СОЛДАТКА

Брошенная хатка
На задках села...
Помнится, солдатка
Здесь одна жила.
В 41-м Ваня
В летний день ушёл, –
Торкнулось под сердцем,
Ой! – нехорошо.
Ни письма, ни слухов
Много-много дней.
– Чи погиб, чи сгинул, –
Говорили ей.
И война минула.
И полвека – миг!
Потемнел когда-то
Ясноокий лик.
И не вышла замуж,
Не было детей.
Молча сторонилась
В праздники людей.
– Что ж ты одинока? –
Спросит тот и тот.
– Не могу. Мне Ваня
Не даёт развод.
Как старушку звали –
Помнили навряд.
Попросту – Солдатка –
Кликал стар и млад.
А когда в домишке
Не зажётся свет,
Поняли соседи,
Что хозяйки нет...
Хоронили скромно,
Тихо, как жила.
Памятник ей – хатка
На задках села.

Вечной памяти гранит –
В камень женщина одета,
Малыша прикрыв от ветра,
Смотрит, как заря Победы
Над Прибалтикой горит.

АФГАНЕЦ

Вован Маркович
выполняет муниципальный заказ –
отстреливает бродячих собак.
В кармане гуманный боезапас –
патроны, усыпляющие бедолаг.
Но псин бездомных
не становится меньше,
как душманов в Афгане.
Бывший десантник их жалеет, конечно,
но надо же зарабатывать
на существование
своё, семьи
в эти времена жестокие.
Правда, он всё чаще промахивается,
потому что глаза за толстыми стѣклами
очков
слезятся, дыхание сбивается,
когда померещится вдруг –
в прицеле погибший друг.

В ХРАМЕ

Войной необъявленной
тяжко меченый
не может персты
вознести ко лбу –
культы торчат
из рубахи клетчатой.